

*Д.А. Николаева*

### **Статусно-ролевые изменения положения замужней женщины в традиционной культуре бурят**

*D.A. Nikolaeva*

### **The Married Woman's Status and Role Changes in the Traditional Buryat Culture**

У бурят конца XIX – начала XX в. положение женщины характеризуется сохранившимися следами материнского культа: высокий статус женщины-матери, ряд представлений о происхождении и наследственности и названиях ряда бурятских родов по матери, статусно-ролевые аспекты (дочь, невестка, хозяйка дома, мать, матриарх семьи и рода, свекровь и теща). Каждая из них обуславливалась множеством норм и обычаев, которые регулировали правила поведения и этикет внутри общества.

**Ключевые слова:** культ матери, семья, хозяйка дома, невестка, свекровь, теща, матриарх.

The Buryat woman's position in the end of XIX<sup>th</sup> – the beginning of the XX<sup>th</sup> centuries is characterized by the preserved traces of the maternal cult: mother's high status, a number of ideas on the origin, the heredity and names of the Buryat tribes according to maternal line, status and role aspects (daughter, daughter-in-law, housewife, mother, matriarch of the family and kin, mother-in-law). All of them were supposed to have some norms and customs regulating the rules of behavior and etiquette in the society.

**Key words:** mother's cult, family, housewife, daughter-in-law, mother-in-law, matriarch.

В традиционной культуре бурят конца XIX – начала XX в. положение женщины в семье и обществе в целом было патриархальным. С одной стороны, она была существенно принижена в юридических, экономических, моральных правах, например, запреты на посещение ряда важных родоплеменных молебнов-*тайлганов*, пищевые, промысловые, половые табу, ограничение в правах наследования, отстранение от участия в общественной жизни и т.д. Особенно усиливались запреты в период рекул. Женские выделения воспринимались как нечистота, опасная для жизни. Женщинам запрещалось перешагивать через предметы, класть сверху или рядом свою одежду и т.д. Бесправие женщин закреплялось в «Приговорах» и «Уложениях» бурят. Женщина была лишена какого-либо надела земли и не могла наследовать отцовское имущество или в случае отсутствия у нее детей имущество мужа.

В семье ее положение характеризовалась также патриархальными традициями, определяющими огромное табуированное пространство, основой которого является сакрально-ритуальная мизогиническая норма, существенно принижаящая женщину в юридических, экономических, моральных правах. Например, среди семейных табу насчитывалось 28 запретов, бытовавших во взаимоотношениях невестки и свекра и других старших родственников мужа. Например, помимо строгой регламентации костюма, когда она

не могла показаться без безрукавки и шапочки: «*От-торгойдо оройгоо харуулха ёһо үбэй, дайдада далая харуулха ёһо үбэй*» – небу нельзя показывать макушку (неприкрытую голову), земле (миру) – обнаженную спину (лопатки); женщина не смела садиться пока муж или его родственники не сядут; поворачиваться спиной к ним или к их *онгонам* (духи-охранители дома), поэтому выходить из *юрты* она должна была пятясь. Ей было запрещено приближаться к *онгонам*; проходить на мужскую половину, прикасаться к мужским (промысловым) атрибутам, обращаться к мужу по имени и т.д.

Из-за практической необходимости в повседневном домашнем быту, обычно после достижения детьми подросткового возраста, проводились обряды по снятию некоторых запретов «*сээр тайлаха*», после чего женщина могла свободно двигаться по юрте, в том числе проходить на мужскую половину с соблюдением всех ограничительных запретов.

Правила подчинительного поведения в отношении к мужчинам, даже сверстникам, начинали прививать с самого раннего детства, одновременно с приучением девочек к труду. До начала полового созревания девочка считалась сакрально чистым существом (*арюухан*), как и мужчины. Но с появлением рекул ее положение ужесточалось: за ней начинал следить специально приставленный родственник-сверстник, который всюду ее сопровождал, появлялись запреты,

свойственные взрослым женщинам репродуктивного возраста.

В брачном союзе жизнь замужней женщины характеризовалась беспросветной эксплуатацией. «Несчастливая женщина, как баба, *изи* (женщина. – Д.Н.), взятая у чужого дальнего рода, как член, чуждый единокровно-родовой своеулусной общине, является в бурятской общине настоящей рабыней, работницею. Она все в юрте делает, и коров и кобыл доит, и тарасун (кисломолочный слабоалкогольный напиток. – Д.Н.) гонит, и шубы, и турсуки (посуда. – Д.Н.) берестенные шьет, и войлоки вываливает и пр.» [1, с. 213]. Несомненно, это было связано с натуральным характером хозяйства, который возлагал на женщину многочисленные обязанности. Помимо ведения домашнего хозяйства (приготовление пищи, дойка коров и уход за скотом, уборка жилища, воспитание детей и т.д.), она должна была производить основную продукцию, необходимую для обеспечения благоденствия семьи: шить одежду, обувь, постельные принадлежности, изготавливать домашнюю утварь, пасти скот, участвовать в полевых сельскохозяйственных, сеноуборочных и других хозяйственных работах. В ее обязанности входило обеспечение семьи дарами природы – сбор ягод, лукович саранки (съедобная лилия тигрового окраса. – Д.Н.), дикого лука и чеснока, черемши. Женщина практически должна была делать все, в том числе работы, считавшиеся мужскими. «Во всех работах в поле являются преимущественно одни женщины, и нужно отдать справедливость, что работа их несколько не уступает мужской, а иногда исполняется даже и более аккуратно» [2, с. 189].

Однако в целом взаимоотношения в бурятской семье основывались на взаимном уважении и демонстрации сдержанного отношения друг к другу. Супружеская пара согласно традиционным представлениям не должна была проявлять свои чувства друг к другу на людях в любых ситуациях, как положительные (любовь, привязанность), например, ходить или сидеть вместе, при встрече показывать свою радость, равно как и неприязненные, негативные. Одинаково осуждалась демонстрация на людях как любви, так и неуважения (особенно физического насилия) как со стороны невестки, так и по отношению к ней. Дореволюционные исследователи отмечали это в своих записях как этническое своеобразие патриархального общества: «...отношение бурятских мужей к своим женам “гораздо ласковее”, чем у многих сибирских народов» [3, с. 98]; «буряты... умеют ценить свою женщину. Они очень хорошо обращаются со своими женами» [4, с. 15–16]. Однако к началу XX в. были зафиксированы у «крещеных инородцев» Цонгольской управы со стороны мужа по отношению к жене «попреки, побои и дранье за волосы». Тем не менее М.С. Кроль, отмечая этот случай как единичный, писал: «... господства своеволия и жестокости главы семьи – мужа не замечается

у них». Он объяснял наблюдаемое им происшествие двумя причинами: во-первых, русским влиянием, а во-вторых, вымещением на женщине своей досады от разорения, которое началось с падением Кяхты и купечества [4, с. 47].

С другой стороны, можно отметить, что статус женщины-матери как в семье, так и в обществе был необычайно высок. Это было связано с благополучным рождением детей. «Мать в семье пользовалась большим уважением и почетом со стороны детей. Дети окружали мать теплом и вниманием, предоставляя ей полное право по своему усмотрению распоряжаться в доме» [5, с. 57]. Роль хозяйки дома была весьма значительной. Она выполняла жизненно важные функции по отношению ко всему семейно-родственному коллективу: организаторские, хозяйственные, воспитательные, идеологические и т.д. Мать распределяла и контролировала обязанности находившихся под ее началом дочерей, невесток, детей; в ее компетенции было рациональное расходование и распределение продовольственных и иных запасов. Хозяйка дома в силу своего авторитета и уважения выполняла основные воспитательные функции в семье, как в трудовом, так и нравственном отношении. Она следила за надлежащим поведением всех молодых членов семьи, обучала внуков элементарным трудовым навыкам, прививала нормы и этикет внутрисемейных и общественных отношений. Мнение хозяйки дома имело большое влияние внутри своей семьи и во всем кругу ближайших родственников. Голос матери принимался в расчет, а иногда был решающим при заключении брака ее детей, распределении семейного имущества и других не менее важных вопросов.

Народ по достоинству оценивал высокие нравственные начала в женщине, ее внутреннюю красоту, силу и мудрость, которые она передает детям. В произведениях устного народного творчества отмечается именно духовная и эмоциональная близость матери и сына, безусловное влияние ее на ребенка. В бурятских мифах и *улигерах* (героический эпос) мать, выступая помощницей сына, наставляет его, воспитывает, учит быть храбрым, сильным, метким и т.д. Эпическая мать *Нарин Занги* вводит героя в жизнь, рассказывает ему о прошлом и настоящем, передавая опыт многих поколений, помогает решить основной для эпического богатыря вопрос – найти свою суженую. Это она, а не чудесные помощники (конь, книга судеб) сообщает герою, где находится его невеста.

Чем старше становилась женщина, тем больше ценились в социуме ее житейский опыт и ум. Возможность прожить долгую жизнь в окружении многочисленного потомства у бурят всегда почиталась за счастье. В старшем возрасте женщине в некоторой степени даже позволялись определенные вольности. Она могла, например, будучи в гостях, напиваться до полного опьянения, и это не порицалось.

С возрастом появлялись и определенные общественные привилегии: право на совместную трапезу со взрослыми мужчинами, тогда как молодым женщинам это было запрещено, право на совместный прием гостей. Пожилая хозяйка дома у бурят свободно сидела, беседовала с гостями и угощала их вместе с мужем. Мужчина, зайдя в дом, должен был приветствовать как хозяина, так и хозяйку, при этом долгая беседа с пожилой женщиной не считалась чем-то предосудительным для мужчины, а являлась с его стороны знаком уважения. В гостях ее усаживали так же, как и ее супруга, на почетную сторону юрты, что было со стороны хозяев проявлением наивысшей степени почтения. Однако патриархальный уклад требовал от хозяйки дома соблюдения регламентации: почтительно относиться к мужчине равного ей и старшего по возрасту, носить безрукавку и головной убор, соблюдать многие запреты, установленные обществом.

Как видим, нормы взаимоотношений согласно правилам этикета менялись в соответствии с изменениями возрастного и общественного статуса. С прекращением регул женщина опять становилась сакрально чистым человеком (*арюулган*). С этого момента с нее снимались многие запреты. Муж и жена могли уже совершенно свободно появляться и сидеть вместе в общественных местах и прилюдно разговаривать друг с другом, теперь их общение на людях не считалось зазорным. В этом возрасте женщине доверялось изготовление шаманских атрибутов или предметов для похоронных обрядов, например, небольшой мешочек, который шили специальным способом (стежком назад и наизнанку), туда клали вещи покойного (трубку, расческу, несколько монет и пр.). Отныне она принимала активное участие в некоторых обрядовых церемониях: начинала исполнять круговой обрядовый танец *ёхор* на женских и кузнечных *тайлганах* (молениях). Старые женщины, находясь в силу своего возраста на пограничье между миром предков и миром потомков, выступали в качестве связующего звена между поколениями. Поэтому в обрядово-ритуальной жизни социума женщине отводилась ведущая роль. Обычай западных бурят свидетельствует о более активной роли женщин в ранней форме родовых общественных праздников бурят, чем это было известно по материалам конца XIX в. Данное обстоятельство в некоторой степени позволяет идентифицировать функции прыжков женщин с выкриками в новогодней обрядности у эвенков с функциями женщин преклонного возраста в бурятских праздниках, имеющих календарное значение [6, с. 126]. Можно сказать, что люди выполнив свой общественный долг, переходили в следующую категорию, с иными правилами и этикетом, сохраняя при этом патриархальные отношения.

Особый почет получала женщина, находящаяся в статусе «благополучной» – имеющая детей, внуков, достаток, здоровье (*бутэн булээн, халаа хандараа*

*угы, ухи хуюутэй*). Это так называемые матриархи семьи и рода. В бурятской культуре существовал особый знак, указывающий на высокое социальное положение такой «благополучной» женщины. Для этого 45–50-летняя женщина проходила обряд, во время которого ей распускали волосы и заплетали их в три ряда. Чуть ниже подбородка (на расстоянии ширины ладони), одну из прядей обертывали вокруг и затем плели косу дальше. С этих пор женщина должна заплетать волосы только таким способом. Отныне кардинально менялось отношение к этой женщине со стороны родственников мужа и всего общества. Она обладала почетом и уважением, могла присутствовать на родовых обрядах (в отличие от остальных женщин, которые не имели права посещать такие мероприятия), ее голос принимался в расчет при обсуждении каких-либо важных общественно-значимых моментов, к ней обращались за советом и т.д.

Необычайно высокий статус женщины-матери, безусловно, связан с сохранившимися следами материнского культа. К ним можно отнести ряд представлений. Во-первых, генетическое наследие передавалось именно по линии матери. Так, происхождение и наследственность по матери подтверждает миф об *Алан-гоа*, праматери монгольских родов и прародительнице Чингис-хана в одиннадцатом поколении. Актуальность данной темы отражена в бурятских пословицах и поговорках: «Не садись в глубине юрты, у которой дверь плоха. Не бери в жены девицу, у которой мать плоха» («*Муу үдэтэй Гүри ооо, холо буу Гуу. Муу эхэтэй басага, хадамда буу аба*»); «Руби дерево острым топором. Породнись с человеком из хорошего рода» («*Суута Гайн Гүхөөр, модондо ябалсаха. Суута Гайн хүнээр, худа оролсохо*») и т.д.

Буряты придавали большое значение генетически качественному наследию невестки. Заветной мечтой каждого буряты было иметь здоровое потомство для продолжения рода, а отсюда большое значение придавали *удха* (корень, происхождение), т.е. «не было ли среди предков умалишенных, хронически больных, бездетных, пьяниц, калек» [7, с. 30]. При выборе невестки в первую очередь обращали внимание на ее физическое здоровье, ум, сообразительность и только в последнюю очередь на внешность. Девушка, соответствовавшая требованиям, ценилась очень высоко (*хурдан хурса, бэрхэ шадамар* – быстрая, расторопная, умелая, смекалистая), независимо от ее социального происхождения. В силу того, что забота о благополучном потомстве и умелом ведении хозяйства играла немаловажную роль, состоятельные буряты нередко брали себе невестку с «хорошими качествами» из бедной семьи. Часто таких девушек похищали. «В этих случаях приоритет экономических мотивов брака, складывавшийся с развитием товарно-денежных отношений, отходил на задний план, и сохраняли силу мотивы социально-этического порядка, свойственные

общественной практике предшествующих социальных отношений» [5, с. 121].

От наличия перечисленных качеств зависел размер калыма. Например, если невеста была из плодovitого рода, взрослая, крепкого здоровья, способная справляться с домашним хозяйством, то размер калыма за нее устанавливался большой. При наличии у девушки каких-либо физических недостатков размер калыма уменьшался или его вовсе не платили. Если одна девушка была моложе другой, то она ценилась меньше.

Во-вторых, считалось, что от свойств невестки напрямую зависело будущее социума. Сохранились представления о влиянии определенных черт и качеств женщин на формирование характерных особенностей бурятских родов: «От прославленной женщины родившийся *сонгол*. От шустрой женщины родившийся *торта*. От спокойной женщины родившийся *бухут*. От умелой женщины родившийся *шарат*. От красивой женщины родившийся *готол*» [8, с. 43–44].

В-третьих, с материнской линией связано как происхождение, так и названия ряда бурятских родов. Согласно этногоническому мифу, дочь лебедицы прекрасная *Хангин* однажды попала под дождь с градом и забеременела. А потом от ее сына, рожденного от градины, пошел род *хангин*; дева-лебедь родила 11 сыновей, которые впоследствии стали основателями 11-ти хоринских родов (*галзууд*, *харгана*, *хуасай*, *хубдууд*, *баганай*, *шарайт*, *бодонгууд*, *гушад*, *саган*, *хуудай* и *халбин*) Забайкалья. У бурят Предбайкалья в подобном сюжете действуют двое детей – мальчик *Шарайт* и девочка *Хангина*. Потомки *Шарайта* живут в Нукутском аймаке, а *Хангины* – в Аларском аймаке Иркутской области.

Рассматривая статусно-ролевые положения женщины в традиционной семье бурят, нельзя не отметить существование в бурятском обществе такого вида семейно-брачных отношений, как многоженство, вызванное следующими причинами. Первая сохранение и функционирование такого древнейшего института, как левират. Правда к концу XIX – началу XX в. эта форма находилась на стадии исчезновения, а повторный брак всецело зависел от желания самой вдовы выходить замуж за неженатого брата или, за отсутствием такового, становиться второй женой женатого брата покойного.

Несомненно, основной причиной многоженства было практическое отношение к женщине как к воспроизводительнице членов рода (наличие детей, особенно мальчиков). Ведь отсутствие сыновей в семье означало отсутствие продолжателя рода, наследника родительского имущества и т.д. Такое положение зафиксировано в брачных правах бурят: «Некрещенные инородцы имеют право жениться на двух, трех и более живых женах, а особенно те, у коих не родятся дети,

и в особенности мужской пол, без всякой укоризны; но порядок в сем случае бывает во всем точно такой же, какой приведен и к одноженцам» [9, с. 84]. Исследователи отмечали, что в таких случаях, женщины нередко сами выступали инициаторами повторного брака мужа. Так, Б.Э. Петри отмечал, что у бурят «принципиально бесплодная первая жена всегда согласна на такой брак и иногда даже сама уговаривает мужа жениться вторично и не скупиться на калым, но на ее стороне законное право выбрать себе подругу по душе» [10, с. 16].

Вторая причина вызвана хозяйственными и экономическими соображениями. Поскольку, жена в традиционной культуре являлась основной рабочей силой, и в случае каких-либо причин, когда она уже не могла справляться со своими обязанностями (наступившей немощности по возрасту или болезни и пр.), возникала необходимость дополнительных женских рук. Кроме того, в случае появления последующих жен первая становилась старшей и главной. Она руководила всей хозяйственной деятельностью семьи, а молодые жены находились в ее подчинении. Статус вторых жен был несравненно ниже статуса первой жены. Однако в случае, если первая жена была бездетной, то функции старшей жены переходили к жене, которая рожала детей, особенно сыновей.

И, наконец, многоженство являлось показателем престижности человека в традиционном обществе. Большое количество жен считалось привилегией состоятельных людей, так как за каждую жену необходимо было платить калым. У бурят большим почетом пользовались мужчины преклонного возраста, материально благополучные, обладающие крепким хозяйством, имеющие молодых жен и многочисленное потомство.

Положение женщины в семье и обществе определялось также принадлежностью ее к определенным имущественным и социальным слоям общества. Несомненно, женщина «высшего сословия» занимала более высокое положение. Она почиталась в соответствии со статусом отца (мужа). Дочери богачей и высокопоставленных лиц обычно обладали значительным личным имуществом и имели в своем распоряжении группы зависимых людей, выполнявших вместо них многочисленные трудовые обязанности в семье. Н.С. Щукин, описывая быт и нрав бурят, писал: «В домашнем быту у богатых и знатных женщина держит себя настоящей барыней. Окруженная многолюдной прислугой, она сидит целый день перед огнем, курит табак, лакомится молочными пенками, сырниками, пьет чай, а подчас и *арсу* (кисломолочный слабоалкогольный напиток. – Д.Н.), слушает рассказы и сплетни, словом сказать, не делает ничего с утра до ночи» [11, с. 78].

Некоторые женщины имели возможность оказывать определенное влияние на дела, выходящие

за рамки домашнего хозяйства, принимая участие в общественной жизни. Так, по сообщению М.П. Данчиновой (1932–1995, Нукутский район Иркутской области), ее бабушка (Черепанова Мария) была членом Унгинской Думы. Однако этот случай был скорее исключением, поскольку в целом бурятские женщины независимо от социального и имущественного положения находились на периферии потестарной организации общества. В то же время, несмотря на свои привилегии, женщина высших слоев все равно воспринималась как зависимое лицо в отношении мужа, отца или брата.

В полигамной семье, глава которой являлся знатным лицом, первая жена, несомненно, обладала высоким статусом, однако другие жены, несмотря на то, что в общественном плане имели признание и уважение со стороны других членов общества как жены «большого человека», занимали подчиненное положение в семье и выполняли все хозяйственные обязанности.

Положение молодой невестки обуславливалось множеством норм и обычаев, которые регулировали правила ее поведения. Так, обязанностью невестки было трудиться с раннего утра до позднего вечера, считалось недопустимым отдыхать или оставаться какое-то время без дела, поздно вставать. Добродетелями жены были такие качества, как скромность, покорность, умение угодить родственникам мужа. В патриархальной семье невестке иметь собственное мнение считалось дурным тоном, ей запрещалось высказывать свое мнение или какое-либо желание, она должна была «без слов» принимать решения и указы мужа и его родителей. Буддийский священнослужитель Х. Галшиев, обобщая многовековой опыт семейно-брачных взаимоотношений, дает советы хозяйину дома, как он должен вести себя с женой в присутствии посторонних людей, «во избежание стыда или недоразумений». Эти советы подчеркивали мизогинизм положения женщины со стороны религиозных деятелей. Например: «Если возникло дело, по которому необходимо посоветоваться с женой, спрашивай ее наедине. Если спросишь в присутствии посторонних, станешь посмешищем»; «Когда разговариваешь с другими, не заглядывай в лицо жене. Из этого гость может понять, что ты бессильный, последний муж»; «Не смотри часто в сторону жены, приготовляющей пищу. Гость заметит, что ты бесстыдный, последний муж» [12, с. 38–39].

Высокий статус мужа в семье (обществе) должен был искусственно поддерживаться усилиями жены. Иначе, в случае признания, что муж не всегда и не во всем главенствует в семье, возникала угроза потери его авторитета в обществе, неодобрительного отношения как к нему, так и к ней родственников со стороны мужа и в конце концов публичному оглашению неудачного замужества. «Во избежание этого бурятские жены старались обычно поддерживать авторитет своих мужей,

создавая видимость того, что лишь ему принадлежит решающее слово» [8, с. 56].

Обеспечение своей семьи благополучием и благоденством, заключенными в потомстве и материальном достатке, требовали от женщины нравственной, моральной, духовной силы, к ним же можно отнести и шаманские способности. Это проявлялось, во-первых, в умении общаться с духами огня очага рода мужа; во-вторых, перерабатывать «природное» в «культурное» и готовить сакральную пищу, к которой относится *тарасун* (слабоалкогольный молочный напиток), вызывающий особое состояние. Согласно представлениям бурят, только женщина, обладающая совокупностью этих свойств, может выйти замуж и заниматься домашним хозяйством. В легенде о деве-лебеди – прародительнице некоторых бурятских родов – говорится об ее умении превращаться из птицы в человека и наоборот. Благодаря своим шаманским способностям она выходит замуж, рождает детей, а потом улетает на небо.

Демонстрация своих способностей перед старшими женщинами рода мужа начиналась сразу же после основных свадебных торжеств утром через два-три дня свадьбы. Тогда проверялись и хозяйственные навыки молодой жены. Главным испытанием в цикле послесвадебных обрядов *бэрин шадал узэхэ* было то, чтобы она не опалила именно меховые манжеты. Суть его заключалась в умении быстро установить аппарат для перегонки *тарасуна* (алкогольного напитка) и приготовить его. Мастерство хорошей хозяйки заключалось в умении при большом огне обмазать край котла на стыке с аппаратом, не опалив меховых манжет и отделки костюма, затем быстро и качественно приготовить *тарасун*. Если невестке удавалось с честью выдержать этот экзамен, то заслуживала похвалы не только она, но и весь ее род. С этим трудным экзаменом справлялась не каждая невестка [5, с. 198]. По традиционным представлениям бурят, «волосы (человека, животного) ассоциировались с плодородием, размножением, увеличением богатства, жизненностью». Данное представление подтверждает указанный выше запрет на обрезание волос у женщин, в целях сохранения жизни мужа и детей. Можно сказать, что меховые элементы женской одежды являются хранилищем жизненной силы будущих детей, животных, ее супруга и материального достатка.

В традиционной семье отсутствие или, наоборот, наличие детей во многом определяли отношение к женщине в семье и обществе. Положение молодой невестки автоматически улучшалось с появлением ребенка. Невестка, родившая нескольких детей, получала со стороны мужа большее расположение, ее роль в семье становилась более значимой, так как она выполняла свое главное предназначение – продолжила воспроизводство рода. Многодетные невестки пользовались авторитетом, именно им поручалось

исполнение жизненно важных ритуалов, связанных с воспроизводством рода (свадебные, родильные обряды). Чем больше рождалось детей, тем большее уважение заслуживала женщина со стороны родственников и общества. Особенно если она рожала близнецов, символизирующих будущую удачу и благополучие для всего родственного коллектива.

Самый низкий статус как в семье, так и в обществе был у бездетной женщины. Такая невестка не пользовалась уважением, ее участь была незавидной. «Если у бурят нет детей, то он всецело винит свою жену, как единственную причину своего несчастья» [10, с. 17]. У бурят наибольшим несчастьем считалось бесплодие женщины. С такой женщиной связывалось много суеверий. Например, она становилась воплощением дьявольского начала, верили, что ее проклятия (*хараал*) могут сбыться. Бесплодие женщины по архаическим представлениям могло стать заразным, она могла своим несчастьем заразить не только окружающих ее людей и животных, но и окружающую среду, например землю. Нерожавших женщин не приглашали на праздники, не подпускали к ним детей, беременных и т.д., боялись не только ее «языка», но даже физических прикосновений.

В архаические времена существовал жестокий обычай, когда у кого-нибудь не было детей, то закрывали дымовое отверстие жилища, потом лили воду на огонь, убивали хозяйку, а имущество родственники делили между собою. Со временем бездетных женщин перестали убивать, но отношение к ним не претерпело больших изменений, так как они продолжали считаться грешными существами, сакрально опасными для общества. Невыполнение своего предназначения (воспроизводство рода мужа) воспринималось крайне негативно. Считалось, что в этом случае созидательная женская природа становится разрушительной, что от лиц, по каким-то причинам не включившихся в группу матерей, исходит сакральная угроза. Несмотря на то, что в бурятском обществе существует профессионализация сакральных фигур общества, к которым относятся шаманы, шаманки и кузнецы, способные насылать проклятия, действенность заклинаний обычных женщин зачастую признавалась сообществом. Впрочем, замужние женщины старались не злоупотреблять своим «языком», поскольку боялись греха и беспокоились за будущее своего потомства. Но особенно остерегались «злого языка» бездетных женщин (*хараал*, *аду* и т.д.), не до конца включившихся в род мужа и сохранивших, таким образом, свойства «чужого».

Во избежание унижительной участи и изменения своего статуса женщины искали любые средства для избавления их от бесплодия: совершали специальные обряды, посещали священные места, связанные с женским культом плодородия. Стремление иметь детей любой ценой отмечалось многими исследователями

бурятской семьи. По сообщению Б.Э. Петри, в начале XX в. у бурят Иркутской губернии зачастую девушке, уже имевшей ребенка, отдавалось предпочтение перед не родившей, как имеющей доказательство способности к деторождению «...родивших девушек берут нарасхват ради ребенка... не сильно заботясь, чтоб ребенок был «свой» [10, с. 22]. Кроме того, буряты сознательно стремились заключать браки с тем родом, чьи женщины доказывали свою «плодовитость». «...если у матери было много детей, считалось даже необходимым взять жену из этого рода... Если же приплод был плохой, род обязательно надо переменить» [10, с. 10]. Исследователь отмечал, что в случае бесплодности брака мужа довольно снисходительно относились к супружеской неверности своих жен – «от кого бы парень ни был, да мой сын считается» [10, с. 17].

Следует отметить, что в бурятской культуре существовал обычай, отмечавшийся многими исследователями – усыновление детей, причем как своих родственников, так и чужих, в том числе другой национальности. Усыновление происходило в случае потери всякой надежды на рождение собственных детей. В традиционной культуре бурят было не принято оставлять на произвол судьбы детей-сирот, поэтому их могли усыновлять семьи, уже имеющие детей. И, наконец, детей брали на воспитание тогда, когда умирали родные дети.

Отношение к детям (внукам), как к родным, так и усыновленным, было одинаково доброжелательным, теплым и доверительным. Исследователи традиционной культуры не раз отмечали поистине безграничную любовь бурят к детям, независимо от пола и родства. «Было не принято строго наказывать детей за какие-либо проступки, а тем более применять грубое физическое воздействие, так как оно считалось вредным для их здоровья» [5, с. 101]. В начале XX в. Б.Э. Петри отмечал: «...проходя по улусу, не наткнешься на безобразные сцены порки: не слышно в улусе ни крика, ни брани; если нужно наказать детей, то срывают крапиву и ею грозят высечь ребенка, но угрозу очень редко приводят в исполнение. С малышами обращаются очень бережно и нежно» [10, с. 16]. Традиционное общество было заинтересовано в наличии полноценных и благополучных семей. Усыновление детей не требовало исполнения каких-либо формальностей, достаточно было «официального оформления» [13, с. 104]. Родные и приемные дети имели равные права. Причем усыновленных детей иногда любили даже больше, так как с ними связывалось много поверий и надежд: на будущее потомство, благополучие и семейное счастье, причем не только семьи, но и всего рода. Взятые на воспитание дети из многодетной, благополучной семьи или другой национальности считались «*хатуу зайтай*» – крепкие, не поддающиеся враждебным силам злых духов, находящиеся

под покровительством сильных духов-защитников. Считалось, что усыновленный ребенок является как бы зачином последующих детей, с ним связывались надежды, что выживут остальные [5, с. 83]. Как отмечает Г.Р. Галданова, «родители зачастую отдавали своего ребенка родичам без колебаний и сомнений, так как чувство единой большой семьи у бурят было развито чрезвычайно сильно. Если семья, имеющая достаточно много детей, откажется отдать одного из них своим бездетным родственникам, этот поступок оценивался как безнравственный» [14, с. 134–135].

Сказанное объясняется высокой детской и материнской смертностью. Несомненно, тяжкий труд женщины, отсутствие медицинской помощи, антисанитарные условия и подобное часто приводили к летальному исходу. Поэтому женщина-мать, сумевшая родить, сохранить и воспитать детей, представляла собой объект особого почтения и уважения. К ним относились и приемные матери. Взять на воспитание чужого ребенка считалось делом добрым и благородным. Отныне женщина выходила из категории «несчастных и обиженных судьбой», а ее статус приравнивался к женщине, имеющей собственных детей. Со стороны общества приемная мать получала не меньшие почет и уважение. Отныне она считалась выполнившей свое предназначение: продолжение рода, обретение семейного счастья, обеспечение старости и т.д.

Засидевшиеся девушки, по мифологическим представлениям, также становились сакрально опасными для общества. Буряты боялись этого и говорили: *Басагамнай хадамда ошонгуй, хубуу гаргангуй адá болохонь* (Как бы дочь наша, засидевшись, не родив детей, не превратилась в *адá* (злого духа, демона)). В случае замужества и рождения ребенка – успокаивались: *хун болоо, сээрээ гараа* (человеком стала, от греха освободилась). Девушка становилась полноценным человеком только после замужества и рождения ребенка. Умершие до свадьбы девушки, «не удовлетворившие свое чувство любви, превращались в злого духа *муу шубуун* (плохая птица)». В бурятской мифологии встречается большое количество оборотней (птицы, лисы, собаки и др.), в которых превращаются умершие незамужние девушки. Поэтому буряты старались выдать замуж всех, даже если у них были какие-либо физические недостатки или болезни.

Рассматривая семейное положение женщины в категориях «молодая невестка» и «взрослая дочь» следует отметить, что дочери, замужние и незамужние, как своеродки не знали ограничений в жилище родителей и близких родственников, могли свободно перемещаться по юрте и присутствовать на родовых шаманских молениях (*тайлаганах*), при условии ношения ими мужской одежды или ее фрагмента (фуражки). Более того, замужние дочери по приезде

к родителям в гости размещались на почетной половине юрты.

Во время как невестка (чужеродка) располагалась только на женской, хозяйственной стороне юрты и не могла участвовать на родовых *тайлаганах*, и тем более, как уже говорилось, находиться рядом с родовыми духами-хранителями (*онгонами*). Такое положение связано с представлениями об уровне сакральности каждого члена «ячейки общества», в частности женщины, призванной выполнять свои основные функции: своя (замужняя) дочь, родившая детей и чужая, нерожавшая невестка.

Можно также выделить еще одну социальную роль старшей женщины в структуре семьи – свекровь и теща. Позиции свекрови и тещи по отношению к зятю и невестке в семье были не одинаковы. Они регламентировались в строгом соответствии с патриархальными взаимоотношениями, в силу чего статус свекрови был выше статуса тещи. Свекровь как мать наследников и продолжателей рода и почиталась больше. В связи с тем, что после замужества дочь переходила жить в дом родителей мужа, ее мать лишалась какой-либо власти над ней. Данные полномочия с приходом невестки в семью получали в первую очередь свекровь и муж. Поскольку постоянные контакты между свекровью и невесткой были продиктованы их совместной деятельностью в домашнем хозяйстве, то для складывания спокойных взаимоотношений между ними этикетные нормы бурят требовали от невестки почитать свекровь больше матери, во всем ей подчиняться и быть главной помощницей в делах. От свекрови, в свою очередь, требовалось относиться к невестке как к своей родной дочери.

Если у свекрови и невестки отношения были тесные, то контакты тещи с зятем были крайне редки, в связи с чем она не могла иметь на него в принципе какого-либо влияния. Исключением из правила являлся лишь тот случай, когда родители невесты брали к себе в дом зятя-примака. Лишь в том случае теща, равно как и тесть, имела власть над зятем и дочерью.

Как видим, можно заметить бросающееся в глаза противоречие между патриархальным господством в социуме и существенной властью женщины-матери внутри дома. Оно объясняется, с одной стороны, психо-эмоциональными комплексами мужчин. Например, публичные высказывания в обществе (законодательство), где «доминировали мужчины и где они сами себя представляли неограниченными властителями, выполняли функцию коллективного подавления глубоко сидящего страха мужчин перед агрессивными и способными взять верх женщинами» [15, с. 189].

С другой стороны, законодательные источники формулируют желательные «стандарты» поведения и поступков. Из этого следует, что соблюдение зафиксированных в нем норм не стало общим правилом.

Подобная фиксация возможна в тех случаях, когда традиция, обычай приходили в противоречие с новыми отношениями, формирующимися в обществе, и нуждались в корректировке. Нормы обычного права можно рассматривать в качестве источника правовых письменных норм, призванных регулировать новые отношения, в которые не вступали члены традиционного общества.

Роль традиций – обычного права – у бурят была особо велика. Это в полной мере относится к семейно-брачным отношениям, в частности, положению матери в семье, которое слабо рефлексировалось и, как правило, не находило отражения в памятниках письменного права, поскольку не нуждалось в санкциях. Определение взаимодействия и взаимоотношений

членов внутрисемейной структуры позволяет нам выявить образцы в разной степени ритуализированного поведения и собственно коммуникативные ситуации. В архаической, а позже в традиционной культуре каждый человек старался выстраивать свое поведение и осознавать себя в рамках прежде всего «коллективных представлений». Таким образом, выявление связей в структуре социальных и семейных отношений определяет не только внешнюю форму, но и имплицитную систему архаических представлений о роли и месте женщины в традиционной культуре, что позволяет нам выявить следы древних форм этнического сознания, которые являются составляющими феномена этнокультурной традиции, сложившейся в процессе исторической эволюции бурят.

### Библиографический список

1. Шапов А.П. Собрание сочинений. – Иркутск, 1937. – Доп. том.
2. Осокин Г.М. На границе Монголии. – СПб., 1906.
3. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 2007.
4. Кроль М. Брачные обряды и обычаи у забайкальских бурят // Известия ВСОРГО. – 1894. – Т. 25 (№1).
5. Басаева К.Д. Семья и брак у бурят. – Новосибирск, 1980.
6. Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). – Улан-Удэ, 2001.
7. Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. – Улан-Удэ, 1959.
8. Дондокова Л.Ю. Статус женщины в традиционном обществе бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ, 2008.
9. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. – Варшава, 1876.
10. Петри Б.Э. Брачные нормы у северных бурят. – Иркутск, 1924.
11. Шукин Н.С. Буряты / Журнал Министерства внутренних дел. – 1849. – Ч. 25–26.
12. Галшиев Э.-Х. Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам. – Улан-Удэ, 1993.
13. Цыбиков Г.Ц. Шаманизм у бурят-монголов // Собр. соч. – Новосибирск, 1991. – Т. II.
14. Галданова Г.Р. Закаменские буряты. – Новосибирск, 1992.
15. Segalen M. Mari et femme dans la societe paysanne / Segalen M. – Paris, 1980 (То же на англ. яз.: Love and Power in the Family, Rual France in the 19<sup>th</sup> Century. – Chicago, 1983).